

В уличной драке никто не начинает сразу с кулаков. По неписаным законам криминального мира, главари сторон сначала должны обменяться угрозами, затем — поспорить на месте, и лишь если договориться не удалось, в ход идет сила.

— Ты, баба, правила вообще знаешь?! — взревел главарь.

Цю Цинши, не изменившись в лице, снова взмахнула клюшкой. На этот раз в ударе чувствовались решимость и уверенность человека, который намерен загнать мяч в лунку с первого раза. Яо Сянъи, вспомнив недавнюю боль от удара скалкой по голове, машинально прикрыла ладонью лоб.

Парень с прической «площадка» взвыл, его глаза налились кровью, и он заорал на своих подчиненных:

— Чего стоите, идиоты?! Бейте её!

Бай Мэнчжао бросилась вперед, закрывая собой Цю Цинши:

— У каждого своя вина и свой долг, не трогайте её!

Цю Цинши отмахнулась:

— Отойди!

Молодчики были совсем юными, лет по двадцать, жизни толком не видели, но сразу поняли: одежда на Цю Цинши дорогая, а в её взгляде читается такая ледяная острота, какой у обычных людей просто не бывает. Они хлопали глазами, не решаясь сделать хоть шаг.

Парень с прической «каштан» — такого, чтобы их главаря так избили, он еще не видел — ткнул пальцем в сторону Цю Цинши:

— Если смелая, сними маску! Что за герой такой, который прячется за тряпкой?

Цю Цинши вывернула ему палец, а затем каблуком, словно ножом, ударила его в голень.

— Мамочки! — взвыл «каштан» и рухнул на землю.

После того как двое главарей выбыли из строя, вперед вышел третий — с прической «афро»:

— Братва, навалимся все вместе! Неужели мы с одной бабой не справимся? Если слухи пойдут, как мы в лицо людям смотреть будем?

Яо Сянъи прикрикнула:

— Посмотрим, кто рискнет!

«Афро» взмахнул стальной трубой, увлекая за собой остальных:

— Плевать на всё, бейте!

Цю Цинши усмехнулась, засучила рукава, небрежно скинула туфли на каблуках и перед тем, как ринуться в бой, подмигнула Яо Сянъи.

А дальше — взмах за взмахом, удар за ударом...

Она двигалась среди парней с «афро», «серебристыми» волосами, «ежиками» и проборами так свободно, словно прогуливалась по пустому полю. Ключка для гольфа в её руках свистела в воздухе. В тихом переулке развернулась настоящая бойня: крики боли сменяли друг друга, и уличные хулиганы внезапно проявили талант к вокалу, один за другим переходя на фальцет.

Соседи, разбуженные шумом, прильнули к окнам. От увиденного их желудки скрутило в узел — зрелище было слишком жестоким.

В драке главное — скорость. Цю Цинши методично «обработала» всех, до кого смогла дотянуться, оставив напоследок лишь зачинщика — того самого парня с причёской «афро». Тот оглядел своих поверженных товарищей, понял, что игра проиграна, и, отбросив мужскую гордость, опустился на колени. Стучась лбом о землю, он завыл:

— Сестрица, я был слеп и не признал в вас великого человека! Эти улицы теперь ваши, клянусь!

Цю Цинши ухватила его за волосы и приложила лицом о бампер Майбаха.

— Да кому нужны твои улицы? — холодно бросила она.

Бам! Бам! Бам!

Из носа «афро» хлынула кровь, и он зарыдал:

— И соседние улицы тоже ваши!

Цю Цинши отрезала:

— Чтобы больше я не видела, что вы тут бандитствуете.

— Не будем, клянусь! Я вернусь в школу, буду учиться!

Цю Цинши осталась довольна. Она отпустила его, и парень, благодарный за спасение жизни, пополз к ней, обнимая за ногу:

— Сестрица, я не только учиться буду, я стану первым в классе!

Яо Сянъи и Бай Мэнчжао, наблюдавшие за этим с открытыми ртами, застыли в немом шоке. Особенно Яо Сянъи. Только сейчас она поняла, что, когда Цю Цинши «распускала руки» дома, она еще очень сильно себя сдерживала.

Ох. Она больше никогда не будет злить Цю Цинши.

Цю Цинши (с гордым видом): Я и в гостиной блесну, и на кухне справлюсь, и любовниц разгоню, и хулиганов проучу. Могу стать кинозвездой, могу жену защитить. Не каждая светская львица — первая леди Хайши.

Как только Цю Цинши закончила драку, подросли телохранители. Они нашли переулок по геолокации, присланной Яо Сянъи, и остоленели: вся земля была усеяна бандитами, которые обхватывали головы, руки и ноги, громко стеная. Каждый из них выглядел так, будто ему срочно требуется искусственное дыхание, чтобы не отдать концы.

Сразу было ясно — здесь кипела битва.

Они окружили Цю Цинши, убедились, что она ни царапины не получила, а затем косо взглянули на Яо Сянъи. Та стояла, как вкопанная, с выражением лица «мама, заberi меня домой», но, пытаясь сохранить достоинство властной бизнес-леди, натянула на лицо гримасу, которая должна была изображать улыбку. Выглядело это крайне мучительно.

Какая же она всё-таки трогательная, эта «властная госпожа».

Затем телохранители перевели взгляд на Бай Мэнчжао, стоявшую рядом с ней...

В глазах старшего охраны сверкнула ярость, и он рявкнул:

— Девушка, бросьте кухонный нож!

Бай Мэнчжао пребывала в состоянии не лучше, чем Яо Сянъи. От испуга она выронила нож, словно раскаленную картофелину. Тот приземлился аккуратно между ног парня с «площадкой», едва не сделав его евнухом. Тот снова зарыдал: быть главарем в наше время трудно, а главарем, который выбивает долги — еще труднее.

Цю Цинши полулежала на капоте Майбаха, опираясь руками на еще теплый металл. Её хрупкая фигура выглядела удивительно спокойной. Она опустила голову, глядя, как телохранитель опустился на колени, чтобы помочь ей надеть туфли. В лунном свете её профиль казался фарфоровым, шея — тонкой и белой, а глаза — сияющими.

В каждом её движении вновь проступала первая леди Хайши.

Парень с «площадкой», видимо, получил недостаточно:

— Ты еще пожалеешь, я с тобой не закончил!

Цю Цинши бросила на него ледяной взгляд. Тот втянул голову в плечи:

— Нет-нет, закончил, всё закончил.

Цю Цинши снова взялась за клюшку для гольфа. Парень с «площадкой» с готовностью вlepил себе пару пощечин.

Цю Цинши оценила его сообразительность: такой умный, а пропадает в бандах. Она передала клюшку охране и протянула руку в сторону Яо Сянъи. Та поняла без слов, взяла её за прохладные пальцы и помогла встать.

— Госпожа, я была хороша? — кокетливо спросила Цю Цинши.

Насмотревшись на её виртуозные «боевые сцены», Яо Сянъи не решилась спорить при всех и подняла большой палец вверх:

— Стоило кинозвезде выйти в бой, как хулиганы разбежались.

Цю Цинши расцвела, закусилa губу и, понизив голос до мягкого шепота, добавила:

— Я не хочу быть просто кинозвездой.

— Почему? — спросила Яо Сянъи.

Цю Цинши выдержала паузу, подогревая интерес, а потом прошептала:

— Потому что... я хочу быть твоей Дацзи.

Яо Сянъи задрожала: «Разрушишь мою империю, а заодно и меня саму?..»

— М? Тебе жарко? На лбу испарина, — Цю Цинши коснулась её кожи, ощутив холодную влагу.

Холодный пот.

— Госпожа, тебе плохо? — с тревогой спросила Цю Цинши.

Яо Сянъи продолжала играть роль «невозмутимой госпожи» и махнула рукой, мол, всё в порядке. Цю Цинши, обеспокоенная не на шутку, решила, что это она слишком напугала её своей жестокостью:

— Поехали в больницу, нельзя же так нервничать.

Она тут же подхватила Яо Сянъи под руку и повела к машине. Яо Сянъи, которая «властная госпожа», не могла позволить себе слабость на глазах у всех. Она взяла себя в руки, отказалась от предложения и раздала указания охране: отправить всех хулиганов в больницу, а затем — в полицию, изучать моральный кодекс. Подумав, добавила:

— И соседям не забудьте заплатить за беспокойство.

Не хватало еще, чтобы кто-то выложил видео с её избиением бандитов в интернет, где злопыхатели раздуют из этого скандал. Имидж холодной леди мог превратиться в ледяную крошку.

Старший охраны пообещал всё устроить.

— И еще, — Яо Сянъи взглянула на пятна крови на бампере, — отвезите машину в мойку, а свою оставьте мне.

Охрана кивнула, и они обменялись ключами.

Вскоре переулок опустел. Двое телохранителей проводили девушек в дом Бай Мэнчжао и встали на страже у входа, чтобы никто не посмел помешать.

Дом Бай Мэнчжао был старой трехэтажкой, построенной в восьмидесятых. Никакого ремонта, обшарпанные бетонные стены, мебель, которая помнила еще прошлый век. В воздухе стоял

легкий запах сырости, но он не был неприятным — скорее, уютным, домашним.

Как в той песне — простота и есть настоящая жизнь. Яо Сянъи это понравилось.

Бай Мэнчжао, чувствуя себя неловко, пригласила их к столу:

— Я сейчас принесу воды.

Стол был старым, деревянным, с одной короткой ножкой, под которую подложили карманный словарь. Яо Сянъи, привыкшая к роскоши, с любопытством оглядывалась по сторонам, а потом уставилась на шестидесятиваттную лампочку под потолком. Мягкий свет делал её черты лица особенно нежными.

Цю Цинши, которой не нравилось, что та с таким интересом рассматривает дом соперницы, прикрыла ей глаза ладонью:

— Не смотри.

Яо Сянъи, проявив несвойственное ей упрямство, ответила:

— А я буду.

Цю Цинши взяла её лицо в свои ладони, коснувшись носом её носа:

— Смотри на меня. Я — твоя жена.

Яо Сянъи закрыла глаза:

— Не хочу.

Цю Цинши клюнула её в губы:

— Ты меня до инфаркта доведешь.

В глазах Яо Сянъи мелькнула довольная улыбка, она ущипнула Цю Цинши за колено:

— Спросить тебя хочу.

Цю Цинши надулась и отвернулась, всем видом показывая, что не намерена разговаривать.

Яо Сянъи пустила в ход тяжелую артиллерию:

— Милая...

Её голос, низкий и волнующий, прозвучал невероятно сексуально. Цю Цинши сдалась:

— Спрашивай.

Яо Сянъи прочистила горло и посмотрела ей в глаза:

— Как ты думаешь... мы с Бай Мэнчжао похожи?

Она долго думала об этом, но так и не нашла ответа. Если в оригинале роман назывался «Замена: моя бесценная маленькая жена», значит, Бай Мэнчжао должна была иметь что-то общее с ней.

Цю Цинши возмутилась:

— Не смей так о себе говорить! Как она может с тобой сравниться?

Яо Сянъи почувствовала укол радости. Значит, подделка никогда не станет оригиналом.

— Так мы похожи или нет?

— Нет.

— А характер?

Цю Цинши помедлила, а потом беспощадно отрезала:

— Если бы у неё был твой скверный характер, она бы не дожила до совершеннолетия.

Яо Сянъи не поняла:

— Почему?

Цю Цинши ущипнула её за щеку:

— Давно бы кто-нибудь прибил.

Яо Сянъи: «.....»

Она подняла палец, продолжая допрос:

— И у нас совсем нет ничего общего?

Цю Цинши отмахнулась:

— Нет, нет и еще раз нет.

Яо Сянъи была в недоумении. За что же тогда Бай Мэнчжао стала её заменой? Не богатая, не красавица, не властная, ноги короче...

В этот момент вернулась Бай Мэнчжао с водой. Яо Сянъи пристально посмотрела на неё. Ц-ц-ц, кролик кроликом. Что в ней нашла Цю Цинши в оригинале? Бедность? Долги? Видимо, у богачей свои причуды.

Бай Мэнчжао, поправляя растрепанную челку, поставила стаканы на стол:

— Госпожа Яо, госпожа Цю, спасибо за помощь. Я не знаю, как вас отблагодарить. Если я вам когда-нибудь понадобится — только скажите, я готова на всё.

Она так эмоционально поклонилась, что не рассчитала траекторию и ударилась лбом о край стола.

— Бах!

Даже слушать было больно. Девушка охнула. Яо Сянъи и Цю Цинши не выдержали и рассмеялись.

— Ну ты и неуклюжая, — сказала Яо Сянъи, потянувшись к ней, чтобы проверить, не разбила ли она лоб, но под грозным взглядом Цю Цинши тут же отдернула руку.

Яо Сянъи: «Ревнивую женщину лучше не злить».

Цю Цинши подхватила:

— В прошлый раз я забрала твою камеру, мне до сих пор неловко. И на рынке я тогда погорячилась, извини меня.

Бай Мэнчжао была поражена:

— Нет-нет, что вы! Я сама была виновата.

— Признавать свои ошибки — мой принцип, — гордо заявила Цю Цинши.

Она подошла к Бай Мэнчжао, слегка наклонилась и тихо произнесла:

— Прости.

«А-а-а-а! Мой кумир извиняется передо мной! Я умерла, я воскресла, я снова умерла! Теперь я её фанатка на всю жизнь!»

У Бай Мэнчжао подкосились ноги, и она рухнула на стул, как выброшенная на берег рыба.

Сверху донесся приступ тяжелого мужского кашля. Бай Мэнчжао словно очнулась:

— Извините, мне нужно проведать отца.

— Иди, — хором сказали Цю Цинши и Яо Сянъи.

Когда она ушла, Цю Цинши ущипнула Яо Сянъи за бок:

— Не смей к ней приближаться.

Яо Сянъи хлопнула её по руке. Через пару минут кашель наверху стих, и Бай Мэнчжао затопала вниз.

Трое уселись за стол. Бай Мэнчжао рассказала, почему к ней приходили бандиты: у её матери почечная недостаточность, нужна пересадка, а отец в отчаянии взял кредит под бешеные проценты.

Яо Сянъи не могла не признать: автор этого романа — бездарность, но все клише старых драм усвоил на отлично. У главной героини обязательно должно быть трагическое прошлое.

— Я не знаю, кто мои родители. С семи лет жила в приюте, пока меня не удочерили нынешние родители, — рассказывала Бай Мэнчжао, смахивая слезы. — Они были небогаты, но любили меня как родную. Три года назад мама заболела, и все сбережения ушли на лечение...

— К счастью, в прошлом году я подписала контракт с Тяньцзи Филм. Там запускали проект, дораму, и никак не могли найти актрису на главную роль. Мне очень нужны были деньги, и я вызвалась сама.

— Я была новичком, гонорар составил меньше шестисот тысяч. Я собрала всё до копейки, чтобы отдать долг.

В индустрии развлечений свои правила. Только звезды могут диктовать условия, получая огромные суммы. Новичкам платят копейки. Для Бай Мэнчжао шестьсот тысяч были честной ценой.

— Но эти мерзавцы оказались жадными, — сжала кулаки Бай Мэнчжао. — Узнав, что я актриса, они начали требовать еще миллион. Я отказалась, и они стали приходить каждый день. Отца довели до болезни.

— А в полицию не обращалась? — спросила Цю Цинши.

— Обращалась, — понурила голову Бай Мэнчжао. — Они не бьют, просто шумят. Полиция их забирает, читает нотации и отпускает.

Цю Цинши фыркнула:

— Эти люди знают, как выбивать долги.

Яо Сянъи постучала пальцем по столу:

— Даже у бандитов есть свои понятия, иначе кто у них будет занимать? Вряд ли они стали бы требовать больше после того, как деньги возвращены. Ты не перешла дорогу кому-то влиятельному?

Бай Мэнчжао покачала головой:

— Я просто бедная студентка, у меня почти нет знакомых.

Цю Цинши пододвинула стакан к Яо Сянъи:

— Выпей, вода уже остыла.

— Когда снималась, не видела ничего лишнего? Не слышала? Не спорила с кем-то из старших?
— продолжала расспросы Яо Сянъи.

Бай Мэнчжао задумалась:

— Вроде... нет. Я ведь никто, никто на меня внимания не обращает.

Яо Сянъи вздохнула:

— Ладно, разберемся.

Странно, что агентство Тяньцзи Филм игнорирует проблемы своей актрисы. Видимо, Бай Мэнчжао не входит в число их приоритетов. Оно и понятно, Тяньцзи — единственная компания, способная конкурировать с Цзинхун Энтертейнмент, у них полно талантов.

Яо Сянъи, чувствуя, как внутри просыпается «ревность к сопернице», с улыбкой сказала:

— Если еще раз придут, звони мне. Я тебя защищу.

Бай Мэнчжао застыла:

— Госпожа Яо, я...

Яо Сянъи протянула ей визитку:

— Это мой личный номер.

— Я не хочу вас обременять...

— Не обременишь, — отрезала Яо Сянъи.

Цю Цинши, которая уже закипала от ревности, с грохотом поставила стакан на стол, расплескав воду. Она метнула в Яо Сянъи испепеляющий взгляд и процедила:

— Госпожа Яо просто любит жалеть слабых.

[Лоли-невинность напоминает: уровень симпатии падает, уровень сладости -1]

[Уровень сладости -2]

[Уровень сладости -3]

Яо Сянъи: «!!!»

Она схватила Цю Цинши за руку:

— Я жалею только тебя, для меня ты — самая красивая.

Цю Цинши пнула её под столом.

Бай Мэнчжао: «Корм для собак прилетел так неожиданно...»

<http://bllate.org/book/21445/2191669>